но уже не читает, разве только иногда заглянет в старопечатные издания, да и то не во все.

Афанасий Осипович не узнал меня. Поговорив с ним немного о рукописях и о здоровье (Осташов жаловался на открывшуюся в боку очень давнюю рану), мы пошли в избу. Сидя рядом со мной на скамье, долго рассказывал он о том, как лет двадцать назад был у него «человек из Москвы» и целый вечер смотрел рукописи и расспрашивал об Аввакуме. «Наверное не жив, надо быть, парень, война-то большая была. У меня вот три сына пали на войне», — заключил он свои воспоминания.

Мне почему-то было тяжко в этот момент признаться, и я молча сидел за столом, разглядывая старопечатные и рукописные книги. А Афанасий Осипович пододвигал ко мне одну книгу за другой. Некоторые из них были знакомы еще по 1937 году, но встречались и новые, не известные мне.

Я выбрал у Афанасия Осиповича восемь рукописных книг XVI—XIX веков. Среди них были Александрия, XVII века, Стоглав, XIX века; «История о взятии Соловецкого монастыря», XVIII века; Златоуст, XVI века; Сборник старообрядческих стихов и песен, XIX века и другие.

На предложение продать рукописи Институту старик ответил положительно, деньги взял сразу, на прощанье сказал: «Потом приходи, я еще поищу».

Афанасий Осипович действительно выполнил свое обещание. Побывавший у него на следующий день Ф. А. Каликин приобрел еще две рукописные книги: Старообрядческий полемический сборник XVIII века и крюковую рукопись XVII века.

В день отъезда из села я зашел к Афанасию Осиповичу, чтобы проститься. Старик передал мне только что найденную в чулане маленькую рукописную тетрадку XVIII века с «плачами» по Москве. Она отсырела и пахла плесенью. Он только что успел ее прочитать, но никак не мог припомнить, откуда эта интересная рукопись попала в его дом.

Другой заметный хранитель рукописной старины в Замежном — Михаил Семенович Поздеев. Это восьмидесятилетний старик, хорошо сложенный и прекрасно сохранившийся. Лицо его обрамляет большая круглая темная борода. Он всегда смотрит на вас испытующим, недоверчивым взглядом. Поздеев тоже духовный наставник местных староверов: он исповедует, хоронит, крестит детей. В былые годы он много поездил, бывал не раз в Москве и Петрограде, держал постоянные связи со столичными старообрядцами своего поморского согласия, выступал распространителем старообрядческой печатной книги на Печоре. В отличие от Афанасия Осиповича, он более начитан в богословской и полемической литературе, говорит более грамотно. Про него рассказывают на Пижме, что он всю жизнь на книгах просидел.

М. С. Поздеев хорошо знает местную рукописную старину, но о владельцах рукописей говорит неохотно, видимо, ему не совсем нравится, что рукописи увозятся из Пижмы. Поздеев, пожалуй, главный в Замежном, кто вершит «духовные дела». Около него всегда вертятся несколько грамотных старушек, помогающих ему в совершении церковных треб.

У М. С. Поздеева оказалось довольно много старопечатных книг XVII—XIX веков, несколько рукописей, в том числе хорошей сохранности рукописная Минея конца XVI в. Минею он нам не уступил, так как «почитывает», но соглашался обменять ее на печатную, если мы пришлем из Ленинграда.

Помимо книг, приобретенных от А. О. Осташова, мы купили в Замежном еще десять рукописей XVI—XIX веков. Сюда относятся уже упо-